

Согласно словам деда, Луань Чэн теперь был живым воплощением Нефритовой чаши. Если Гу Цинхуай хотел восстановить душу, интимная близость с ним была самым верным способом. Но шутка про алоэ так и осталась шуткой.

Гу и сам был не прочь. Даже отбросив вопрос спасения души, он просто любил Луань Чэна и хотел близости. Но не сейчас. Он хотел, чтобы их любовь была естественной, а не вынужденной обстоятельствами, и уж точно не впопыхах и без подготовки.

Луань Чэн думал так же. Раньше он паниковал, но узнав, что состояние Хань Чэндуна и остальных стабилизировалось, успокоился. Через два дня у Гу день рождения, и Луань хотел устроить ему сюрприз.

Второй день на курорте прошел внешне так же, как и первый. Днем собирали овощи, ловили креветок и рыбу, вечером устраивали барбекю. Из-за слабого сердца Чжао Юйфэнь старики решили пока не рассказывать ей о «возвращении» деда. Младшему брату тоже решили не говорить — всё равно он его не увидит, только лишний раз испугается.

На третий день в полдень пришло время возвращаться. Набрали полные сумки фруктов и овощей, бабушка купила двух домашних кур и сотню деревенских яиц. Половину яиц она планировала отдать внуку и «внуку-невестке» (Гу).

Когда Луань Чэн и Гу Цинхуай вернулись в свою комнату в учительском доме, они были обвешаны пакетами: куры, свинина, свежесжатый черничный сок, нектарины, виноград и гора овощей. Этого добра хватило бы на неделю. Хорошо, что стемнело и Гу не нужен был зонт, иначе они бы просто не донесли всё это.

— Бабуля в своем репертуаре, — Луань Чэн бросил сумки на пол и рухнуло на диван. — Зато завтра закатим пир в честь твоего дня рождения. — Он довольно прикрыл глаза и прошептал: — Только бы завтра не было дождя.

— Что ты сказал? — не расслышал Гу.

— Да так. Куда это всё девать? Давай разложим и спать. Мне еще две контрольные доделать надо до сна. — Последние два дня он только развлекался, книги даже не открывал. Чтобы сдерживать определенные порывы по вечерам, он только и делал, что зубрил древние тексты и английские слова — отлично остужает пыл.

— Отдыхай, я сам разложу, — сказал Гу. — А контрольные я уже сделал.

— ЧТО?! Когда успел?! — Мы же всё время были вместе! Луань Чэн почувствовал, что у него сейчас сердце остановится от такой несправедливости.

— Пока ты спал. Время коротал, — Гу открыл холодильник, распахивая продукты. — Йогурт будешь?

— Давай, сразу два! — Луань Чэну нужно было срочно залечить душевную травму (от успехов отличника).

Больше всего он не любил гуманитарные предметы, но от литературы и английского никуда не деться, так что пришлось, скрепя сердце, строчить ответ за ответом. Благо, они поели дома перед уходом, так что голод не отвлекал.

Гу Цинхуай принес два стакана йогурта. Луань Чэн, не отрываясь от тетради, зажал трубочку

зубами и продолжил писать. Гу сел рядом с книгой, время от времени поглядывая то на Луаня, то в его черновики. Заметив ошибку, он молча запоминал её, чтобы объяснить всё разом, когда тот закончит.

Луань Чэн думал, что такого парня, как Гу, днем с огнем не сыщешь. Ради одного этого стоило устроить ему незабываемый день рождения. Тем более восемнадцатый — совершеннолетие, дата знаковая, нужно что-то особенное.

Обычно Луань засыпал первым, но в эту ночь он держался до последнего, пока не убедился, что Гу крепко спит. Тогда он осторожно открыл глаза, на цыпочках выбрался в гостиную и, как заправский вор, подозвал к себе Мин Юэ и Бай Ю.

— Кто-нибудь из вас знает, что Цинхуай любит больше всего на свете? — прошептал он, собрав их в кружок.

Бай Ю ответил кратко и ясно: — Тебя.

Мин Юэ кивнул: — Тебя.

Луань Чэн: — ...А кроме меня?

Бай Ю, не задумываясь, выдал: — На данный момент — определенно презервативы и смазку.

Луань Чэн замахнулся на него, но призрак ловко увернулся: — Я правду говорю!

Мин Юэ неловко замялся: — На самом деле, мне кажется, подойдет всё, что ты подаришь. Он ведь за всю жизнь почти не получал подарков.

Бай Ю осторожно подплыл обратно: — Сяо Юэ права. В семье Гу всё сложно. У Цинхуая есть два брата. Старший, Гу Цинцзян, — приемный, его взял еще дед, когда был жив. Он к Цинхуаю добр, каждый год поздравляет. Но человек он традиционный и без фантазии: дарит либо конверт с деньгами, либо деньги плюс гаджет какой-нибудь. Когда дед умер, его заклевали язвительные приемные родители, мол, «чужой», и он съехал с женой. Сейчас у него своя семья, ребенок, он звонит пару раз в год. А вот второй брат, единственный родной, Гу Цинхэ — тот еще козел. Эгоист до мозга костей, пальцем не пошевелит, если нет выгоды. Весь в папашу с мамашей.

Луань Чэн потер виски: — Что за люди... Совсем никакой привязанности.

— Вот поэтому он так радуется, когда ты проявляешь к нему хоть каплю тепла. Цинхуай только с виду холодный, а внутри у него живет маленький, гордый, но очень мягкий зверек. Ты к нему по-доброму, а он внешне — кремень, но в душе так и светится.

— Ха, точное сравнение, — кивнул Луань. — Ладно, я понял, что делать.

Зевая, он вернулся в свою комнату (они спали в разных, чтобы не «сойти с дистанции» раньше времени). Но спать не лег, а достал новый альбом для рисования. Закончил он около часа ночи, завел будильник на неприлично раннее время и только тогда провалился в сон.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Луань Чэн подскочил по звонку. Умывшись на цыпочках, он пробрался в кухню и принялся замешивать тесто. Кулинар из него был аховый, но под боком всегда были советчики. Он вытянул одну-единственную бесконечно длинную лапшу, нарезал морковь, помыл пару листиков капусты и начал варить «лапшу долголетия».

Вспомнив, что мама на праздники всегда варит ему яйца — «чтобы удача катилась», — он выудил несколько деревенских яиц и сварил их вкрутую. Время поджимало. Он быстро расставил всё на столе и дрожащими руками положил рядом с тарелкой тот самый альбом, над которым корпел ночью. После чего пулей скрылся в своей комнате.

Гу Цинхуай проснулся с тяжелым чувством, будто что-то не дает ему встать. Он глянул на Хань Чэндуна, заподозрив его в шалости, но тот не имел причин мешать. Лишь когда Гу вышел в столовую и увидел стол, он всё понял.

Завтрак от парня: огромная... нет, гигантская миска лапши и три вареных яйца. А рядом — альбом для эскизов с обложкой в виде Дораэмона. Подарок. Дверь в комнату Луаня была плотно закрыта — ни звука.

Гу Цинхуай, даже не умывшись, сел за стол. Открыл альбом и на первой же странице увидел надпись: «С днем рождения, любимый!» Ниже красовался Q-персонаж: маленький оранжевый апельсин с листочком и зеленая травинка сидят спина к спине, зажмурившись от удовольствия.

Гу пошел вымыть руки, вернулся и еще несколько раз нежно провел пальцами по рисунку, прежде чем постучать к Луань Чэну. Тот вышел с видом «я тут ни при чем», но его напускная невозмутимость рухнула, стоило ему увидеть лицо Гу.

— С добрым... — «Ну вот, всего лишь подарок, а у него уже глаза на мокром месте!» — Луань Чэн почувствовал укол нежности. Кажется, «Мать Тереза» жила не только в его брате, но и в нем самом.

— С добрым, — ответил Гу. — Лапши так много, я один не справлюсь. Давай вместе.

— Давай, — Луань почесал затылок. — Слушай, я... я первый раз готовил. Может быть невкусно. — «Черт, почему лапша так быстро превращается в кашу?!»

— Это сделано для меня, так что мне решать, вкусно или нет. — Гу сел, взял палочки, подцепил один конец лапши и велел Луаню принести приборы для себя. Отыскать второй конец в этой горе теста оказалось квестом, но через минуту он положил его перед Луанем: — Давай проверим, сможем ли мы съесть её, не порвав.

— А если порвется? — спросил Луань.

— Не порвется.

Гу прикусил свой край и начал медленно жевать. Удивительно, как Луаню удалось сделать её такой длинной — казалось, в миске и правда одна сплошная нить. Лапша была широкой (Луань боялся, что тонкая лопнет). Гу всегда думал, что вряд ли переживет восемнадцатилетие, поэтому сейчас он до дрожи не хотел, чтобы эта «нить жизни» оборвалась.

Луань Чэн втянул свой конец. Они подняли глаза друг на друга, продолжая синхронно жевать. Вкус оказался сносным, разве что соли маловато, но это было неважно. Говорить с полной лапши пастью было неудобно, так что они ели в тишине, пока расстояние между их лицами не сократилось до двадцати сантиметров. Взгляды встретились и намертво сцепились.

Темп замедлился, но никто не остановился, пока последняя белая «связь» не исчезла в их поцелуе... Они целовались, вытянув шеи над столом, напоминая двух влюбленных жирафов. В конце концов у Гу затекла шея, он резко встал, потянул Луаня на себя и прижал его к стене.

Он смотрел на Луань Чэна так, словно хотел выжечь его образ в своей душе. Тот, тяжело дыша, прошептал: — С днем рождения, мой парень.

Гу наклонился и с силой прикусил плечо Луаня. Его серые глаза, обычно спокойные, сейчас горели первобытным желанием обладать и защищать.

— Эй! Мяса захотелось?! — Луань вскрикнул от неожиданности.

— Угу. Твоего мяса. — Гу зарылся лицом в изгиб его шеи. — Спасибо.

— Да брось, — Луань похлопал его по спине. — Мы еще не доели, ешь давай. У меня еще дела.

— Какие?

Гу плеснул в блюдце соевого соуса и принялся чистить яйцо. Луань не ответил, но скоро всё стало ясно: он придвинул стул, взял тот самый альбом и начал быстро рисовать.

— Пока я жив, я каждый год буду рисовать для тебя по одной странице. Пока этот альбом не закончится. Тут ровно семьдесят страниц. — Луань протянул альбом Гу. На странице был запечатлен момент: Гу Цинхуай сосредоточенно чистит яйцо.

— Вообще-то... — Гу прокашлялся. — Когда ты тряса над моими конспектами как над сокровищем, мне было и приятно, и смешно — казалось, ты такой дурачок. Но сейчас я, кажется, начал тебя понимать. — Он бережно закрыл альбом. — Луань Чэн, я давно хотел тебе сказать...

— Что? — Сердце Луаня замерло. Сейчас, по всем законам жанра, должно последовать «Я люблю тебя!».

Но... Гу Цинхуай бросил взгляд на настенные часы: — Кажется, мы опаздываем. Сегодня я поздно встал.

Луань Чэн, не раздумывая, пнул стул Гу: — СВОЛОЧЬ!

Ну и что, что он потратил кучу времени на одну макаронину! Он же старался! Какое разочарование!

Хань Чэндун молча передал Гу Цинхуаю: «Это я придавил кровать». Гу Цинхуай улыбнулся, глядя на сердито собирающего рюкзак Луань Чэна: — Я знаю.

Луань Чэн подумал про себя: «Знаешь ты, как же! Ни черта ты не знаешь!»

Уходя, он даже не посмотрел на Гу и зашагал в одиночестве. Странно, но Гу Цинхуай не бросился вдогонку. Однако вскоре Луань Чэну пришло уведомление в WeChat. Опасаясь, что это может быть сообщение, не предназначенное для чужих ушей, Луань перевел его в текст. На экране высветилось:

«Пусть ты не тот, кого я знаю дольше всех, и не тот, с кем я провел больше всего времени, но я уверен — ты мой самый любимый человек. Спасибо тебе, мой дорогой сосед по парте. Этот день рождения — самый счастливый в моей жизни. □»

Луань Чэн шел, уткнувшись в телефон и глупо радуясь тексту, пока с глухим «дуац!» не врезался в кого-то. Поднял голову и обомлел:

— Простите, товарищ полицейский, я засмотрелся и не заметил вас.

Полицейский с суровым лицом ответил: — Ничего. Ты местный ученик?

— Да.

Полицейский кивнул и больше ничего не спросил. В этот момент Луань Чэн увидел, как из здания школы выносят носилки. Они были накрыты белой простыней, причем с головой. Под тканью отчетливо угадывались контуры человеческого тела...

<http://bllate.org/book/16943/1579992>